

Дэвид

С тех пор как Дэвиду исполнилось четырнадцать, он каждое утро ездил на поезде на шоколадную фабрику. Это было странное, циничное название для школы, придуманное впечатлительными детьми. Это, конечно, была прямая отсылка к книге, которую почти все ребята Дэвида прочли в третьем классе, - истории о мальчике, который благодаря удаче и доброму характеру вытащил из нищеты свой дом, полный больных бабушек и дедушек.

Аналогия быстро потеряла свою актуальность. Поступление было делом не везения, а стандартизированного тестирования, что было выгодно школам и студентам университетов, которые надеялись заработать на репетиторстве по всему миру.

Большинство сверстников Дэвида можно было разделить на две категории: тех, кто любой ценой купился на эту экосистему академического успеха, и тех, кто был готов на все, чтобы доказать, что они особенные и неповторимые и не похожи на всех остальных студентов.

Предположительно, это была здоровая и устойчивая система, существовавшая десятилетиями, когда первые оценивали свою самооценку по успехам в учебе, а вторые создавали проблемы любым доступным способом.

Каждое утро все отправлялись на поезде в школу, обычно с кучкой друзей и знакомых, которых они знали всю свою жизнь, или поблизости от них, которым также удавалось найти золотой билет. Линия по соседству с домом Дэвида в часы пик курсировала каждые шесть минут, и одни и те же группы людей обычно садились на одни и те же поезда.

Когда Дэвид опаздывал на два поезда, он всегда видел Джека на платформе. Они не были друзьями, но были дружелюбны. Джек обычно был довольно забавным, но только потому, что они нечасто встречались друг с другом.

У Джека была привычка рассказывать одни и те же анекдоты снова и снова, пока Дэвид, вероятно, не начинал повторять их дословно. Он придумывал новый материал в течение нескольких недель или месяцев.

Даже после многих лет практики Джек не мог сохранять невозмутимое выражение лица перед тем, как произнести острую фразу, поэтому он всегда был рад видеть Дэвида, который неизменно пытался найти его забавным.

"Большинство людей не выживают после удара молнии, но в Миннесоте жил один парень. Это была Миннесота? Это был какой-то захолустный штат. В него раз пять попадала молния или что-то в этом роде". Джек принял бы скорбный вид, а затем издал бы смешок, похожий на скрип ржавых дверных петель. "Он недавно умер. Но, конечно, не из-за того, что в него попала молния. Он покончил с собой. Покончил с собой, потому что его девушка ушла от него к другому парню. Представь себе это. Сам Бог не смог бы убить этого парня, поэтому он решил привлечь экспертов."

Подача была в духе Джека и, к сожалению, соответствовала тому, к чему Дэвид привык после многолетнего опыта. Дэвид подумал, что это была слишком остроумная история, чтобы Джек мог придумать ее самостоятельно. Джек обычно рассказывал анекдоты о пердежах или терроризме.

Дэвид знал, что это самая абсурдная мысль, которая когда-либо приходила в голову человеку после удара молнии.

Это было намного лучше, чем думать о жгучей боли, которая вернулась в его глаза. Дэвид предположил, что, если бы ничего не случилось, он чувствовал бы себя довольно глупо, зажмурившись и перегнувшись через стол, чтобы театрально обнять Элис.

Но это случилось, так что, очевидно, это был просто здравый смысл. Тупая, пульсирующая боль за глазами, которая почти прошла после его первой встречи с бурей, вернулась к своей первоначальной интенсивности, если не хуже.

Он все еще цеплялся за Элис, которая по-прежнему блаженно спала, приподнявшись на локте, как на ходулях, совершенно не обращая внимания на молнию.

По правде говоря, Дэвид был не в восторге. Мистер Уоттерсон находился более чем в десяти футах от места удара. Он посмотрел на окна, расположенные вдоль стены за спиной Элис, и заметил, что в них явно не было стекол. Большая часть разрушений была нанесена взрывом, но, когда он посмотрел на потолок, все еще не совсем понял, что произошло.

Неровная дыра, немного меньшая, чем та, что осталась от первого удара, все еще пробивала потолок, открывая вид на облака над головой. Дэвид подумал о расплавленном шлаке, из-за которого начался бы пожар, если бы не прорвало водопроводную трубу, и на нее не лился постоянный поток воды.

Дэвид ожидал, что они будут похожи на пузырящуюся грудку кровли, дерева и стекла от разбитых фонарей.

Он взглянул на двойные двери, отмеченные светящимся знаком "Выход", которые не закрывались полностью. Может быть, в конце концов, библиотека и не пострадала бы от сильного наводнения, даже если бы растекающаяся лужа, образовавшаяся в результате первого стихийного бедствия, заполнила почти половину библиотеки.

По крайней мере, его зрение не затуманилось, как после первого взрыва. Он не был уверен, как долго пробыл без сознания после удара молнии, который официально застал его и Элис врасплох, но когда он пришел в себя, его подбородок лежал у нее на плече, а сам он висел под таким углом, что стол между ними выдерживал больше его веса, чем ноги.

Он не был уверен, почему до сих пор не отпустил ее. Мысль о том, что у него было плохое предчувствие из-за того, что он не был с ней в непосредственной близости, звучала нелепо и

неискренне даже в его собственной голове.

Она была хорошенькой, и ему нравилось с ней разговаривать. Но в то же время она была человеком, которого он на самом деле не очень хорошо знал, каким бы нелепым ни казалось то, что он был единственным человеком, пришедшим послушать, как она играет на гукцине.

Но это была немного необычная ситуация, и она стала еще более необычной, когда он заметил, что Элис очень теплая, слишком теплая.

Он был в трех дюймах от нее, его ноги твердо стояли на полу по другую сторону стола, когда он понял, что она буквально излучает тепло - не настолько горячее, чтобы на нем можно было поджарить яичницу, но определенно ближе, чем любой человек с высокой температурой.

Но она оставалась неподвижной, как камень, как портрет. Она все еще слегка улыбалась, все еще спала обманчиво легко. Она выглядела как девушка, которая задремала в библиотеке, читая что-то, что ей действительно нравилось.

Возможно, спокойствие, с которым она выглядела, было заразительным. Перед ударом молнии его сердце бешено колотилось. Сейчас, когда он держал Элис на руках, он все еще чувствовал свой пульс с неестественной четкостью, каждый удар был подобен удару молота. Он ожидал, что если бы это было более заметно, то у него начались бы физические судороги.

Его сердцебиение замедлилось, так как гроза продолжалась.

Он решил не беспокоиться и обнаружил, что это было приятно. С самого начала этого испытания он разрывался между отчаянием, паникой и манией. Было приятно верить, что все прошло, даже если не все было в порядке.

Дэвид потерял счет времени.

Он все еще не освободился от объятий Элис, но чувствовал, что и сам вот-вот заснет, и позволил тяжелому, размеренному стуку успокоить его.

Гром загрохотал с новой силой, но Дэвид даже не мог вспомнить в деталях, как он пришел в тот всепоглощающий физический ужас, который охватил его за мгновение до того, как в них ударила молния.

Возможно, теперь на него было труднее произвести впечатление - он привык к неожиданностям. Снова прогремел гром, долгий и громкий, но Дэвид был занят изучением очертаний лица Элис, изгиба ее носа, гордого подбородка, прядей волос, выбившихся из ее конского хвоста, и тех, которые не были собраны с самого начала.

Ресницы Элис затрепетали.

Прежде чем Дэвид успел отпустить ее и отстраниться, она резко открыла глаза и встретила с ним взглядом. Их носы почти соприкасались.

Обычно Дэвид не испытывал потребности перед кем-либо оправдываться, но сейчас он уже чувствовал, как на его лице проступает особенно сильная краска смущения и досады.

Он открыл рот, чтобы сказать ей, что перегнулся через стол, обнимая ее, потому что в них ударила молния, как будто в этом вообще мог быть какой-то смысл, но все это было настолько нелепо и непоследовательно, что он даже в мыслях не мог ничего придумать.

"Не надо...", - предупредила Элис.

В ее голосе слышалась легкая хрипотца, как будто она не разговаривала несколько дней. Легкая улыбка исчезла, сменившись выражением, слишком нейтральным, чтобы отражать ее мысли, особенно в подобной ситуации.

К его удивлению, она наклонилась вперед, едва удерживаясь на ногах, и ее руки скользнули по его рукам, а запястья оказались на его плечах. Ее пальцы, чуть позади него, сомкнулись у него под затылком.

- Не отпускай... Ее губы сжались в мрачную, решительную линию. В ее глазах тоже была решимость и беспокойство. - Это еще не конец.

Она выпрямилась, удивив его.

Он отпустил ее, чтобы удержаться на ногах, и оперся ладонями о стол, когда она приподнялась. Элис умудрилась сесть на стул напротив него, затем на край стола, свесив ноги перед ним, по-прежнему стараясь держаться за него.

Она выжидающе посмотрела на него, затем вздохнула и снова обняла его на удивление интимным образом. Ее колени как бы невзначай прижались к его животу, и их лица снова оказались в нескольких дюймах друг от друга.

"Первый раз было намного хуже. Я думал, мы уже мертвы, когда это произошло..." - сказал Дэвид.

Элис выглядела немного встревоженной этой мыслью.

"Я почувствовала это", - сказала она.

Дэвид считал бы иначе. Он подумал, что она, должно быть, была единственным человеком, который не пострадал от первого удара молнии в библиотеке. Дэвид спокойно изложил свои

мысли о библиотеке и взрыве, о том, что сам воздух взорвался, как бомба, указывая на окна, бассейн, оставшийся после прорыва водопроводной трубы, мистера Уоттерсона и осветительные лампы над ними.

Он резко выпрямился от удивления.

"Что не так?" - спросила Элис, встревоженная этим внезапным движением.

- Фонари погасли, и на улице стемнело. Дэвид нахмурился. "Ничего особенного, наверное, мои глаза привыкли к слабому освещению. По крайней мере, гроза утихла".

Это было правдой, дождь прекратился, по крайней мере, на какое-то время.

Элис тяжело вздохнула. "Я не думаю, что она закончилась. Здесь слишком тихо".

Теперь, когда она упомянула об этом, это показалось странным. Дэвид посмотрел в окно через плечо Элис. Деревья, посаженные на равном расстоянии от здания через определенные интервалы вдоль каждого городского квартала, содрогались от воя ветра, но были более или менее неподвижны.

"Я думаю, это можно было бы считать эпицентром бури. Она слишком сердита, чтобы покончить с нами".

Было немного чересчур слышать, как она озвучивает те мысли, которые дали голос буре, которая нашла их с помощью молнии. Дэвид снова открыл рот, но не смог собрать свои мысли во что-то связное, поэтому решил изобразить пренебрежение, если не насмешку.

Элис прищурилась и слегка отстранилась от него, явно разозлившись.

"Ты можешь лгать себе сколько угодно, но не перекладывай это на меня..."

Ее слова подействовали на него, как всплеск холодной воды. Он закрыл глаза и тяжело выдохнул.

"В чем дело?" - наконец спросил он.

Ее взгляд смягчился, сменившись с обвиняющего на несколько раздраженную задумчивость, но она притянула его ближе. Он почувствовал, как ее руки, которые до этого спокойно лежали у него на спине, выстукивают напряженный ритм между его шеей и позвоночником.